

— Давай что-нибудь мощное! Мы, мужики, не любим эти пустые игры!

— Ох уж эта погода, не дает ни минуты покоя... Эй, проклятое небо! Мы, старикашки, наконец-то выбрали время отдохнуть, дай нам передышку, не лей воду, ладно?

— А мне кажется, этот мелкий дождик даже приятный, да и мы, мужики, крепкие, пусть себе льет!

— Пока дождь мелкий, ничего, а если разойдется...

Эти спецназовцы ни в чем не стеснялись, собрались в небольшие группы, каждый держал в руке плоскую бутылку эрготоу объемом в сто граммов, время от времени бережно отхлебывая. Незаметно начал моросить мелкий дождь, словно легкая вуаль, окутавшая небо и землю. Огонь костра потрескивал, делая жареного ягненка с тмином еще более ярким и ароматным.

Сначала мало кто обращал внимание на Мэн Сяосина, все громко смеялись и болтали, разве что отмечали, что парень неплохо играет на гитаре, интересно, сможет ли он заставить гитару извергать пламя.

— Холодный ветер поднимается, мелкий дождь окутывает, ветер и дождь раскрывают мои воспоминания. Я, как маленькая лодка, ищу гавань, не могу забыть тебя!

В отличие от его обычного тонкого юношеского голоса, когда Мэн Сяосин начал петь, его голос вдруг обрел мощную, грубую глубину — настолько впечатляющую, что все присутствующие, как и было написано в сценарии, мгновенно замолчали. В воздухе остались только звуки жира, капающего на костер.

Оператор добросовестно приблизил камеру.

Несколько камер зафиксировали крутой образ Мэн Сяосина с дальних и близких ракурсов. Хэлянь Чэн замер на полпути, внезапно остановившись, его выражение лица стало неясным, только глаза полуприкрылись, скрывая неопределенное волнение.

— Надежда на любовь, воспоминания о любви, прошлое любви трудно вспомнить. Цветы на ветру боятся увянуть, я хочу благословить тебя!

Шум! Мелодия стала яростной и безумной.

Когда его голос снова зазвучал, из хвоста гитары вырвалось алое демоническое пламя!

Этот прыгающий павлиний зеленый цвет стал еще более ярким под светом огня, странно красивым.

— Я люблю тебя! Мое сердце принадлежит тебе, в этой жизни и в следующей! В моем сердце никто не заменит тебя!

В этом небесном голосе Мэн Сяосин вдруг коварно приподнял уголок глаза.

В ночи, казалось, были слезы, но в итоге он лишь улыбнулся.

Он не видел Хэлянь Чэна, прячущегося в тени, но Хэлянь Чэн, словно обожженный, отступил еще глубже в тень.

— Я люблю тебя, я отдаю тебе свою искренность, она не будет неустойчивой. Ты должна

подумать обо мне — я решил любить тебя десять тысяч лет!

Но этот волчонок, певший о любви на десять тысяч лет, до рассвета отправился на поле боя и больше не вернулся.

И ведь не только он один не вернулся?

Десятки спецназовцев, выполнявших эту миссию, погибли, ни один не выжил.

Взамен был успешно выполнен план «Дракон бьётся в диких землях»!

Торжественная церемония поминовения погибших, конечно, состоялась.

Но люди, получившие хорошие новости, уже начали петь и танцевать.

Хэлянь Чэн один ехал на машине, медленно пробираясь сквозь этот бурлящий город.

— На каждой улице и переулке, люди встречаются, первое слово, которое они говорят, это поздравления! Поздравляю, поздравляю, поздравляю тебя! Поздравляю, поздравляю, поздравляю тебя! Поздравляю, поздравляю, поздравляю тебя!

Веселая мелодия постоянно доносилась снаружи.

Хэлянь Чэн припарковал машину, взял темно-синий пакет с пассажирского сиденья, положил его на колени и начал разворачивать слой за слоем.

Внутри оказалась маленькая коробочка с золотистыми пирожками с османтусом.

Каждый кусочек был неправильной формы сердца. Работа была грубой, но вкус был очень сладким.

... Это был его любимый вкус из детства.

Но сейчас его вкусы изменились, дурачок.

Как мужчина может есть такие сладкие пирожки?

Под веселую мелодию он один за другим, большими кусками, без выражения съел все пирожки с османтусом.

За окном машины пробежали несколько детей с чистыми лицами, одна маленькая девочка остановилась и долго смотрела на Хэлянь Чэна, наконец не выдержала и спросила:

— Братик, пирожки с османтусом невкусные?

Иначе, почему он выглядит так, будто мучается?

...

— Снято!

В отличие от сцены с гитарой и пением, которая прошла почти с первого дубля, сцена с Мо Синчжи, поедающим пирожки с османтусом, заняла немало времени.

Сяо Лан, и так придирчивый, на этот раз достиг апогея, то ему не нравилось, что Мо Синчжи

ест слишком наслаждаясь, что не дает зрителям почувствовать «сопереживание его мукам». То он считал, что Мо Синчжи слишком утрировал гримасы, не дав «тихому месту породить бурю». То он ругал Мо Синчжи за то, что тот просто каменное лицо, даже если в сценарии написано «без выражения», нельзя же совсем ничего не показывать! Как тогда тронуть сердца зрителей?

В итоге, когда он наконец объявил сцену снятой, Мо Синчжи уже съел два цзиня пирожков с османтусом, и даже сидя неподвижно, чувствовал, как все это поднимается в горле. Наверное, он больше никогда не захочет есть эти пирожки.

Ван Цзысяо раздвинул толпу, подошел, помог Мо Синчжи выйти из машины и протянул стакан теплой воды:

— Попей?

Но Мо Синчжи отодвинул стакан и быстро побежал в ближайший туалет, где его вырвало.

Когда он закончил, стакан теплой воды Ван Цзысяо наконец пригодился.

— Спасибо.

— Со мной не стоит церемониться.

Честно говоря, Ван Цзысяо был очень раздражен и презирал зловредную затею Сяо Лана снять эти две сцены подряд.

Но сейчас он считал, что Сяо Лан оказался настоящим помощником — заметный [Любовь□□] на левом виске заставил его чуть ли не заплакать от радости.

Да, он столько дней терпел, позволяя уровню симпатии Мо Синчжи к нему скакать как на американских горках, но теперь, наконец, смог блеснуть на съемочной площадке!

В сценарии Мэн Сяосин не видел Хэлянь Чэна.

Но за пределами сценария он мог видеть Мо Синчжи как на ладони.

Песня «Любить тебя десять тысяч лет» — это прямая, без прикрас, страстная декларация любви.

Ван Цзысяо специально надел титул [Небесный голос], чтобы эффект был еще более трогательным.

Он время от времени смотрел в глаза Мо Синчжи.

С дерзким коварством волчонка, его черные глаза словно пытались зацепить того красавца, который был его сердцем и душой как в фильме, так и в жизни.

Когда он закончил петь, и режиссер крикнул «Снято!», на площадке раздались аплодисменты, и Ван Цзысяо с радостью увидел, как шкала симпатии, после резких колебаний, остановилась на [Любовь□].

Затем снимали сольную сцену с Хэлянь Чэном, поедающим пирожки с османтусом.

Ван Цзысяо, этот хитрец, заранее приготовил пирожки с османтусом своими руками, заменив стандартные, купленные съемочной группой.

Ведь пирожки с османтусом, сделанные Ван Цзысяо, были приготовлены из отборных цветов османтуса, с настоящими ингредиентами и мастерством, и хотя внешне они выглядели грубо, вкус был просто восхитительным.

А те, что купила съемочная группа, по десять юаней за цзинь, с ароматизаторами и мукой, уже несколько дней лежали и потеряли свежесть, разница между ними была как между небом и землей!

Несмотря на то, что Мо Синчжи все равно вырвало...

Если бы он ел те, что приготовила группа, он бы не смог съесть и половину цзиня!

Конечно, у всего есть свои плюсы и минусы.

Из-за того, что пирожки Ван Цзысяо были слишком вкусными, первые два дубля провалились по причине «Неужели они так вкусны? Ты ешь слишком наслаждаясь, это не дает почувствовать муки!»

Ван Цзысяо наблюдал за всем этим с выражением «очень беспокоюсь за состояние брата» на лице, но в глубине души уже смеялся. Ты прыгал, как на тарзанке, но пришло время расплаты!

Он так тщательно подготовился, конечно, не только из-за «жалости» к Мо Синчжи.

Главное было заставить его немного смешать чувства в фильме и в реальности!

Как говорится, смерть возвышает любовь, смерть делает любовь совершенной и вечной.

Актеры не могут избежать «вживания в роль».

И чем лучше актер, тем больше у него таких проблем.

Вот и в шоу-бизнесе часто появляются сообщения о том, что «из-за роли кто-то и кто-то влюбились».

Часть из них, конечно, просто пиар.

<http://bllate.org/book/16623/1521744>